

УДК 947.008

Кризис советской идентичности как фактор распада СССР

В. А. Тураев

*Институт истории, археологии и этнографии народов
Дальнего Востока ДВО РАН*

Аннотация. Рассмотрен кризис советской гражданской идентичности, повлекший за собой распад СССР. Проанализированы причины кризиса, вызревавшие задолго до исчезновения государства, и те, что были порождены перестроечными процессами. Среди факторов, способствовавших нарастанию кризисных явлений в сфере гражданской идентичности, рассмотрены различные события, происшедшие в стране к концу 1970-х гг., которые не могли не сказаться на отношении к стране. Процесс разрушения советской идентичности в годы перестройки показан как целенаправленная кампания по демонтажу советского строя и государства. Политика гласности, ставшая важным инструментом этой кампании, обусловила утрату веры в историческую миссию государства, разочарование в идеалах, которые до этого не подвергались сомнению. Падение доверия к коммунистической системе, лежавшей в основе государственности, подтолкнуло многих граждан, независимо от социального статуса, национальной или конфессиональной принадлежности, к поискам новых мировоззренческих ориентиров, что привело к распаду СССР.

Ключевые слова: кризис советской идентичности, социально-возрастной конфликт, мировоззренческий раскол общества, политика гласности, демонтаж советского строя.

Введение

В медицине существует такое понятие – посмертный эпикриз. Это краткая история болезни покойного, анализ причин и обстоятельств летального исхода. Посмертный эпикриз СССР давным-давно выписан, но среди множества причин его распада, о которых так много говорилось и говорится в последние десятилетия, до сих пор по-настоящему не осмыслена, пожалуй, одна из самых главных – кризис советской гражданской идентичности. А без осмысления этого обстоятельства невозможно понять трагедию великого государства во всей ее полноте.

Жизнеспособность любого государства зависит от согласия и доброй воли его граждан. Гражданская идентичность (осознание принадлежности к общности граждан государства) – главный защитник государства как от внутренних разрушительных процессов, так и от экспансии со стороны других государств. Без развитой гражданской идентичности невозможна консолидация граждан вокруг интересов государства. В этом смысле она – залог политической стабильности и единства общества. Утрата или ослабление гражданской идентич-

ности порождают серьезные проблемы, с которыми и столкнулся СССР в последние годы своего существования.

Государство живо до тех пор, пока граждане готовы его защищать. К сожалению, на защиту советского государства граждане не выступили. Это пыталась сделать горстка малосимпатичных аппаратчиков, вошедших в историю как ГКЧП, но сделали они это так неумело, что лучше бы и не брались. Вообще, вся эта затея с ГКЧП – самая яркая иллюстрация вырождения правящего класса СССР, что не могло не отразиться как на идентичности советских граждан, так и на судьбе самого государства.

Распад СССР в массовом сознании

СССР прекратил существование вовсе не из-за плановой экономики и непродуманных реформ, якобы породивших дефицит и приведших к резкому ухудшению уровня жизни. Экономическая ситуация в позднем СССР, безусловно, вызывала тревогу (темпы прироста национального дохода в начале 1980-х гг. по сравнению с 1970 г. уменьшились в 2,2 раза, реальных доходов на душу населения – в 2,8 раза), но была отнюдь не катастрофической. Базовые потребности граждан удовлетворялись по многим позициям даже лучше, чем сегодня. В 1990 г. в России было построено почти 62 млн м² жилья, 85 % которого граждане получили от государства бесплатно [Народное хозяйство ... , 1990, с. 203]. На аналогичные объемы жилищного строительства современная Россия выйдет только в 2007 г. Что же касается бесплатного жилья, то, чтобы его получить, гражданам потребуется, по словам автора статьи «Бесплатное жилье в России – миф или реальность?», пройти «7 кругов ада» [Савельева, 2013].

Очереди за колбасой, безусловно, раздражали, но они опять же не были чем-то необычным. Обостренно реагировали на продовольственный дефицит разве что москвичи, разбалованные продуктовым изобилием в предшествующие годы¹. Что же касается остальной России, то пустые прилавки магазинов были для нее совсем не в диковинку. К тому же люди уже давно приспособились к гримасам советской торговли. В 1970 или 1971 г. в Хабаровске проходило зональное совещание председателей дальневосточных комитетов по телевидению и радиовещанию. К концу совещания выяснилось, что провести традиционный банкет в ресторанах Хабаровска затруднительно – в городе нет мяса. И дело не в том, что был рыбный день. Такие дни появились позже, в 1976 г. Просто в Хабаровске в те дни вообще не было мяса. Однако проблема с банкетом прекрасно разрешилась в столовой пригородного совхоза на Красной речке. Подобные альтернативы были у советских людей везде и всегда. Пустые прилавки магазинов и отнюдь не пустые домашние холодильники были не просто модной для того времени фигурой речи, а имели под собой реальные осно-

---

¹ Мои родственники-москвичи, возвращаясь с работы, никогда не покупали более 200–300 г мяса – ровно столько нужно было им для предстоящего ужина или завтрака. Во Владивостоке, далеко не самом голодном городе страны, такого покупателя наверняка посчитали бы ненормальным. Если удавалось, покупали обычно 3, а то и 5 кг. Никакой гарантии, что мясо будет и завтра, не было.

вания. «Мирное сосуществование» общества и власти в потребительской сфере было серьезно нарушено лишь с началом антиалкогольной кампании.

Одной из причин распада СССР принято считать авторитарный характер советского общества, но авторитаризм при всем желании трудно считать могильщиком СССР. Он существовал многие десятилетия, советские люди по большому счету и не знали ничего другого, все это, однако, основной массе населения, за исключением профессиональных диссидентов, настроения не портило. Проблемы возникли не в связи с ужесточением авторитаризма, а как раз наоборот – с началом либерализации. Обострение национальных противоречий было не причиной, а следствием наметившегося распада СССР. Большие сомнения у исследователей вызывает и то, что СССР пал под грузом непосильных военных расходов [Кара-Мурза, 2007, с. 406]. Не буду останавливаться на других подобных проблемах, которые в качестве причин распада СССР выдвигаются обычно на первый план и в известной мере овладели массовым сознанием. Они, безусловно, оказывали определенное воздействие на настроение людей, но сами по себе не могли поколебать стабильность государственной жизни и тем более разрушить государство. В истории СССР были и более сложные периоды, но страна вполне успешно с ними справлялась.

Вызревание кризиса советской идентичности

Для кризиса советской идентичности, погубившего СССР, характерны разные причины – одни вызревали задолго до исчезновения страны, другие были порождены перестроечным процессом.

Одной из безусловных причин кризиса советской идентичности стала потеря уважения советских граждан к политическим руководителям, что не могло не отражаться и на отношении к стране. Этот процесс начался как следствие оттепели и чудачеств лидера СССР 1950-х гг. Н. С. Хрущева. Но особенно заметным он стал с конца 1970-х гг. по мере катастрофического старения политического руководства страны и нарастания физической немощи Генерального секретаря Л. И. Брежнева. Над советскими лидерами откровенно смеялись, но если многочисленные анекдоты о Н. С. Хрущеве носили в целом беззлобный характер и на отношении к стране, как правило, не отражались, то неприятие Л. И. Брежнева было уже по-настоящему злым, что невольно сказывалось и на имидже государства. Хорошо известно, что уважение к лидеру страны во многом определяет и уважение к самой стране.

Политические последствия критического отношения к руководству в 1950-е и 1980-е гг. были для страны далеко не однозначными. В хрущевскую эпоху стране было чем гордиться: первый советский спутник, целинная эпопея, полет человека в космос, масштабное жилищное строительство, великие стройки коммунизма, привлекательная цель развития страны («нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме»), авантюризм которой была тогда очевидна далеко не каждому. На таком фоне даже самые сомнительные начинания власти не теряли для многих своей привлекательности. Народ добродушно посмеивался над очередной безумной инициативой, но страной гордился.

Ничего этого не было в 1980-е гг. «Когда я обращаюсь мыслью к той поре (рубеж 1970-х и 1980-х гг.), – пишет на страницах «Литературной газеты» Татьяна Воеводина, – даже погода вспоминается серая. В магазинах – ничего особо интересного, на работе – переливание из пустого в порожнее, малейшая инициатива пресекается, все интересное запрещается, даже такая безобидная чепуха, как йога или астрология» [Воеводина, 2015].

Табуировались любые попытки обсудить в средствах массовой информации волнующие людей проблемы. Под запрет попадали даже материалы, в которых ничего опасного для власти не было, но которые могли породить нежелательные ассоциации. По этой причине, например, не попал в эфир Приморского радио репортаж об очереди желающих безвозмездно сдать кровь в День донора. Запрет был обусловлен именно тем, что это была очередь. Застойный характер политической жизни конца 1970-х гг. не мог не отразиться на содержании анекдотов. Пожалуй, впервые в советской истории среди анекдотов о советских политических лидерах стали преобладать не те, в которых люди пытались смотреть на них с юмором, а те, где содержалась общественная оценка действующей власти. Всего лишь один пример:

Ленин, Сталин и Брежнев едут в поезде. Неожиданно поезд останавливается – впереди путь разобран. Как реагируют на непредвиденную остановку три руководителя?

Ленин: поменять рельсы и шпалы и продолжать движение.

Сталин: начальника дороги расстрелять.

Брежнев: занавески на окнах задернуть, вагон раскачивать, чтобы ощущалось движение.

Имитация движения и стала символическим ключом к пониманию сути поздней советской жизни для миллионов советских людей.

Нарастание критического отношения к политическому руководству на рубеже 1970–1980-х гг. во многом было связано с социально-демографическими изменениями в стране. Вырос образовательный уровень граждан – в 1979 г. на 1000 человек в возрасте 10 лет и старше приходилось 638 человек с высшим и средним (полным и неполным) образованием – почти в 2 раза больше, чем в 1959 г. [Численность и состав ... , 1985, с. 23]. Две трети населения СССР жили к этому времени в городах, а почти треть работающих была занята преимущественно умственным трудом. При этом 57 % населения страны в 1987 г. составляли молодые люди в возрасте до 35 лет [Население мира ... , 1989, с. 311]. Это были «сытые», лишенные страха поколения, не только не пережившие в своей сознательной жизни различные трудности, но даже не верившие, что таковые могут существовать. За объективными характеристиками советского общества 1970-х гг. скрывалась главная опасность – быстрое ослабление мировоззренческой основы советского строя.

Сочетание молодости и образованности сформировало внушительный слой критически мыслящего и политически активного населения, для которого стареющее, непривлекательное в своей необразованности руководство превращалось из объекта насмешек в нечто более опасное для развития страны. Критическое отношение к высшему руководству постепенно распространялось на

весь управленческий слой. По мере того как падал интеллектуальный уровень руководителей, падал и авторитет власти, антиноменклатурные настроения росли даже внутри правящего класса.

На фоне изменившихся характеристик советского общества анахронизмом воспринималась классовая политика КПСС. В официальных документах СССР перестали считать государством рабочих и крестьян, однако свою легитимность советская власть по-прежнему связывала с рабочим классом. Что же касается интеллигенции, то отношение к ней государства изменилось мало. По-прежнему считалось, что она не имеет глубоких классовых корней, твердых идейных убеждений, обладает мелкобуржуазной психологией. Верхушка творческой и научно-технической интеллигенции, конечно, под такие оценки не попадала, достижения ее отдельных представителей активно пропагандировались, щедро вознаграждались, но, тем не менее, негативного отношения к этому социальному слою общества государство не скрывало. Наиболее отчетливо оно проявлялось в кадровой политике. Прием интеллигенции в КПСС лимитировался квотами, в то же время беспартийность препятствовала привлечению представителей интеллигенции в государственный аппарат. Молодые специалисты, у которых профессиональная карьера только начиналась, были недовольны крайне низкой заработной платой, отсутствием возможностей для профессионального роста. В результате к началу 1980-х гг. в стране выросло весьма многочисленное поколение не только «старших помощников младшего коноуха», но и сторожей с высшим образованием. Интеллигент-сторож, интеллигент-кочегар – наиболее узнаваемый типаж городской жизни 1980-х гг. Именно этот слой советского общества, имевший убеждения, но не имевший настоящей профессии и любимого дела, и выступит главным застрельщиком перемен в годы перестройки.

Сложившаяся система взаимоотношений не давала интеллигенции никаких перспектив для реализации личности, порождала глубокую неудовлетворенность своим положением в обществе. Именно из этой среды пополнялось вначале очень немногочисленное, характерное лишь для столичных городов диссидентское движение. И далеко не случайно одним из самых первых требований советской интеллигенции в годы перестройки стало требование отмены квотного представительства в КПСС.

Конфликт интеллигенции с властью, вообще характерный для российской истории, накануне перестройки имел ту особенность, что на стороне интеллигенции, пожалуй, впервые оказались и другие слои населения. В 1930–1950-е гг. негативное отношение власти к интеллигенции находило определенную поддержку в народном сознании. Образ интеллигента в народном представлении ассоциировался с человеком малополезным для общества, не умеющим работать руками, а следовательно, и неспособным к общественно-полезному труду. К концу 1970-х гг. ситуация в корне изменилась. Если в прошлом формирование интеллигенции носило преимущественно характер семейной традиции и по этой причине отличалось определенной клановостью, то теперь представители интеллигенции были почти в каждой советской семье. Соответственно изменилось и народное отношение к человеку в очках и шляпе.

Рост численности «образованщины» у других народов СССР помимо общих проблем взаимоотношений с властью осложнялся конфликтами на почве конкуренции с представителями центра, преимущественно русскими, направлявшимися в республики на различные руководящие должности. Долгое время в республиках вынуждены были мириться с такой практикой, однако с началом перестройки подобные конфликты стали принимать форму массовых протестов. Характерны в этом отношении декабрьские события 1986 г. в Алма-Ате. Непосредственным поводом для них стало избрание первым секретарем ЦК Коммунистической партии Казахской ССР вместо отправленного на пенсию Д. Кунаева первого секретаря Ульяновского обкома партии Г. Колбина. Участники беспорядков требовали назначить на должность представителя местной элиты. Подобные события имели место и в других городах Казахстана.

На ослаблении советской идентичности не мог не сказываться и социально-возрастной конфликт, характерный для советского, особенно российского, общества на рубеже 1970–1980-х гг. Острый характер он принял даже в номенклатурной среде. В сталинский период социально-возрастная гармония внутри государственно-бюрократической системы во многом достигалась за счет политических репрессий. Старшее поколение периодически отстранялось от власти, на его место приходила молодежь. После Сталина подобная регуляция социально-возрастного конфликта стала невозможной, а никакой другой создано не было. Высшие командные посты в обществе десятилетиями занимали представители старшего поколения, что не могло не создавать поля напряжения с их более молодыми коллегами. В открытой форме эта конфликтность стала проявляться в годы перестройки, что дало основание характеризовать ее как «бунт вторых секретарей и полковников, которым не суждено было стать первыми или генералами» [Бочаров, 2001, с. 63].

Важной особенностью социально-возрастного конфликта в других слоях советского общества было то, что он выступал в форме культурного конфликта. Молодежь, впитывая с образованием западные ценности, отрицала культуру старшего поколения. Молодежная субкультура с характерными для нее поведенческими стереотипами и ценностями постепенно стала навязываться всему обществу. С началом перестройки неформальные молодежные группы (хиппи, панки, рокеры и др.), долгое время существовавшие полулегально, были признаны официально, получили доступ к средствам массовой информации. Возникают молодежные организации с политической окраской («Память» и др.). Как ответная реакция, набирает силу движение «красных бригад» с ярко выраженным культом агрессии. Сложные социально-политические процессы 1985–1990-х гг. (разрушение советской политической системы, складывание политического плюрализма, постепенный переход к рынку) изменяли социально-культурный облик молодежи. Отказ от идеологических ценностей старших поколений, сомнения в правильности концепции социализма, не подтвержденной практикой, усилили распад ценностных представлений молодежи [Мальцева, 2012].

Важнейшим проявлением идентификационного кризиса в СССР явился мировоззренческий раскол общества, который поразил даже советское руководство. Уже Ю. В. Андропов признавал, что наши представления об обществе, в

котором мы живем, не совсем адекватно отражают действительность. С приходом к власти М. С. Горбачева и его команды представление о советском строе как «неправильном» стало убеждением и официальной установкой, было положено в основу перестройки, которая, как вскоре выяснится, изначально ставила своей целью радикальное изменение общественного строя. Пройдет всего несколько лет, и мы увидим среди активных его низвергателей самых заслуженных советских «генералов» от идеологии – секретаря ЦК КПСС А. Н. Яковлева, политических обозревателей А. Бовина, В. Цветова, О. Лациса и др. Увидим и нечто более неприятное – живую очередь жаждущих публично уничтожить свои партийные билеты, те самые, которые они в свое время так жаждали заполнить.

Для консолидации советского общества и сохранения политической системы требовалась новая мировоззренческая база. Идеологические институты государства, казалось бы, должны были учитывать изменившиеся условия жизни страны, помолодевшее и поумневшее население. Всем уже было очевидно, что время, когда самым неотразимым аргументом была ссылка на то, что «так в газете писали», безвозвратно ушло в прошлое. Понять этого ни старое, ни новое поколение номенклатуры не смогли. Дела все чаще заменялись словами, за которыми не угадывалось смысла. Чего стоит, например, популярный в те годы призыв «Экономика должна быть экономной»! Число идеологических структур росло, увеличивались их штаты, а кризис идеологии нарастал.

Хорошо зная этот срез советской жизни в конце 1970-х гг., могу утверждать, что власть и ее идеологические институты уже не старались убедить людей в правоте коммунистической идеи. Ставилась совсем другая задача – вдолбить в головы советских граждан определенные формулы, в соответствии с которыми они должны были думать и говорить. Вспоминается конфликт с одним из авторитетных членов лекторской группы Приморского крайкома КПСС. В своих политических беседах на радио он бесчисленное количество раз, по делу и без дела, упоминал Л. И. Брежнева, при этом всякий раз старательно перечислял все его официальные должности. На это уходила масса эфирного времени. Вносить редакционные изменения в материалы лектора крайкома категорически запрещалось, а все попытки убедить его отказаться от такого перечисления успеха не имели. Конец словоблудию положил приехавший в командировку инструктор ЦК КПСС, на глаза которому совершенно случайно попали тексты передач этого идеолога.

СССР был изначально создан как идеологическая конструкция, всегда следовал избранной идеологии, активно распространял ее по всему миру и оказался неспособным не только отказаться от этой идеологии, но даже внести в нее определенные коррективы. Между тем общество жадно прислушивалось к передачам «Голос Америки», «Свобода» и т. п. Советская идеологическая пропаганда воспринималась с все возрастающим скепсисом даже теми слоями общества, у которых до этого вообще никаких сомнений по ее поводу не возникало. Деидеологизация советского общества, активно протекавшая все 1970-е гг., в конечном счете и привела к «разоружению» советского человека, сделала его восприимчивым к антисоветской пропаганде прорабов перестройки, подгото-

вила сравнительную легкость восприятия населением новых идеологических постулатов.

Перестройка и кризис советской идентичности

Процесс целенаправленного разрушения советского народа и советской идентичности в годы перестройки описан в монографиях С. Г. Кара-Мурзы [Кара-Мурза, 2001; 2007]. «На разрушение духовного и психологического каркаса советского народа, – пишет автор, – была направлена большая кампания, названная “перестройкой”. Демонтаж народа проводился сознательно, целенаправленно, с применением сильных и даже преступных технологий... В результате экономической и информационно-психологической войн была размонтирована “центральная матрица” мировоззрения, население утратило целостную систему ценностных координат. Масса людей утратила связную картину мира и способность к логическому мышлению, выявлению причинно-следственных связей. Защитные системы советского государства и общества не нашли адекватного ответа на новый исторический вызов. К 1991 г. советский народ был в большой степени “рассыпан” – осталась масса людей, не обладающих надличностным сознанием и коллективной волей» [Кара-Мурза, 2007, с. 240].

Сильнодействующим средством разрушения советской идентичности оказалась политика гласности, ставшая идеологической кампанией перестройки. Ослабление цензуры, возможность проявления инакомыслия вынесли на поверхность общественного интереса многочисленные темы советской истории, которые до этого либо вообще не освещались, либо интерпретировались в выгодном для власти свете. Многие ее страницы стали предметом общественных дебатов. Это оказалось весьма привлекательным делом. Пожалуй, впервые в советской действительности люди получили возможность открыто обсуждать такую лакомую тему, как недостатки социализма. То, о чем раньше говорили на кухне, теперь стали обсуждать на партийных собраниях. Из репродукторов неслись песни о свежем ветре, которого так давно хотелось. Тиражи газет равнули к космическим высотам. В журналах печатали ранее запрещенные произведения («Котлован», «Дети Арбата», «Собачье сердце»), на экраны вышли фильмы, пролежавшие на полке не один десяток лет, были извлечены из запасников и выставлены ранее не экспонировавшиеся произведения художников-авангардистов. В лучах славы купались юмористы и сатирики, ставшие вдруг реальными политиками.

Общим любимцем, символом грядущих перемен был генсек М. С. Горбачев. «После своих предшественников, похожих на мумии, ожившие по важной государственной надобности, он выглядел почти юношей, говорил быстро, без бумажки, ...улыбался и всюду таскал за собой жену. Опытные люди, ...вслушиваясь в жизнерадостный клёкот нового лидера, качали головами, не понимая, о чем, собственно, он токует и куда ведет» [Поляков, 2015].

Направление движения очень скоро стало проясняться. Освещение так называемых белых пятен истории ушло на второй план, в центре политики гласности оказались антисоветские и антигосударственные мотивы. На первом эта-

пе подрыв советской государственности шел под лозунгом «Больше социализма!». На практике это свелось к идеологической кампании против государства как формы организации общества. Ставилась задача посеять сомнение в правильности существующего строя; лояльность гражданам государству стала трактоваться как приверженность консерватизму.

Атака на советскую идентичность велась по многим направлениям: в широкий оборот было запущено презрительное наименование советского человека – «совок», активно пропагандировалось критическое отношение к понятию «советский народ». Обществоведы, еще вчера прославлявшие новую историческую общность, вдруг прониклись убеждением, что советский народ не является нацией, что понятия «советская нация» не существует. Стране отказывали в праве иметь политическую нацию: утверждалось, что СССР является лишь конгломератом этносов, насильно удерживаемых в советской империи, намеренно разрушалась система межэтнических отношений в СССР и Российской Федерации.

Особым нападкам подвергалось ядро советской гражданской нации – русский народ. Одним из главных видов оружия в этой кампании была идея его исторической вины. Перечень вин русского народа был чрезвычайно обширен. Русские должны были покаяться за империю, за то, что жили в СССР, были ему лояльны, за то, что воевали с его врагами, за сталинские репрессии, за принятие христианства от Византии. В вину русскому народу ставилось даже то, что он дважды осмелился ответить отечественной войной на нашествие с Запада. Для оценки последствий разрушения исторической памяти русского народа в годы перестройки очень точные слова нашел И. К. Лавровский: «В результате... в истории страны не осталось ни одного живого места. История России превратилась в сплошную зону экологического загрязнения, куда всяк сливает свои токсичные помои» [Лавровский, 2005, с. 131].

Русофобство рассматривалось либеральной интеллигенцией как высшая доблесть. Патриотические чувства приравнивались к мракобесию. В газетах и журналах стало модным признаваться в нелюбви к русскому народу. Вспомним некоторые из таких признаний.

Николай Петров, заслуженный артист РСФСР: «В начале артистической карьеры мне очень нравилось ощущать себя эдаким гражданином мира, для которого реакция зрителей на твою игру, в какой бы точке планеты это ни происходило, были куда важнее пресловутых березок и осточертевшей трескотни о “советском” патриотизме. Во время чемпионатов мира по хоккею я с каким-то мазохистским удовольствием болел за шведов и канадцев» [Петров, 1993].

Андрей Новиков, журналист: «В отношении народа, среди которого я родился, вырос, живу, я испытываю подсознательную, неподвластную мне ненависть. Не нравится мне русский народ. Не нравится само понятие “народ”, в том виде, в котором оно у нас утвердилось. В других странах “народ” – конкретные люди, личности. У нас – какое-то безликое однообразное существо. Да есть ли он вообще, этот самый “русский народ”»? [Новиков, 1991].

Ненависть к русскому советскому народу породила процесс конструирования новой общности – новых русских. Народное толкование этого понятия,

как всегда очень точное, сложилось уже в 1990-е гг. А в годы перестройки оно использовалось как реальная альтернатива советскому народу. Именно новые русские были объявлены нацией. Главный редактор газеты «Утро России» (орган партии В. Новодворской «Демократический союз») В. Кушнир писал в феврале 1991 г.: «Война объявлена (советскому народу. – В. Т.)... Сражаться будут две нации: новые русские и старые русские. Те, кто смогут прижиться к новой эпохе, и те, кому это не дано. И хотя говорим мы на одном языке, фактически мы две нации» [Цит. по: Кара-Мурза, 2007, с. 236].

Сильнодействующим средством разрушения советской идентичности в годы перестройки стала война против символов, служивших опорой национального самосознания советского человека. Глумлению подвергались сакральные объекты (Красная площадь – престижное кладбище страны). Объектом интенсивной кампании стало искажение смысла праздников, вошедших в календарь советского народа (День международной солидарности трудящихся 1 мая стал Днем весны и труда). Одной из излюбленных тем дискредитации стала Великая Отечественная война. Советские люди того времени обвинялись в жестоком отношении к немцам. Сравнивая советских и немецких летчиков, безусловное предпочтение отдавалось мастерству фашистских асов. Под сомнение ставился подвиг Александра Матросова, 28 гвардейцев-панфиловцев. Преувеличивались военные потери Красной армии. Звучали совершенно дикие цифры числа погибших. Специальная комиссия, созданная в этой связи для подсчета потерь, к тому времени уже закончила свою работу, точные данные о числе потерь среди военнослужащих были доложены ЦК КПСС. Власть могла мгновенно остановить поток фальсификаций. Ничего подобного не было предпринято. Больше того, в кампанию по разрушению образа войны была втянута советская школа.

Серьезную травму народному сознанию нанесли обрушившиеся в эти годы на СССР природные и техногенные бедствия – авария на Чернобыльской АЭС, землетрясение в Армении, гибель пассажирского парохода «Адмирал Нахимов», железнодорожная катастрофа в Челябинской области и др. Невольно складывалось убеждение, что существующая власть – откровенный неудачник, не способный защитить страну от всевозможных нападений.

За что боролись, на то и напоролись...

Массированная антисоветская пропаганда не могла не принести результатов. Когда-то моя бабушка, защищая внуков и внучек от излишней, на ее взгляд, назидательности родителей, упрекала своих дочерей: «Скажи человеку сто раз “свинья”, и он захрюкает». Гласность без нравственных тормозов заставила «хрюкать» миллионы людей. К концу перестройки многие газетные публикации уже вызывали культурный шок. Социолог-эмигрант В. Э. Шляпентох в 1991 г. так оценивал действенность антисоветской кампании в рамках гласности: «Гласность не имеет прецедентов в мировой истории. Нет такого примера, когда бы общество (в столь короткий срок. – В. Т.) коренным образом изменило представление о себе...» [Кара-Мурза, 2007, с. 285].

В условиях «переосмысления» прошлого было подорвано главное – смысл и самоуважение советского человека. Советская идентичность, уже ослабленная застойными явлениями 1970-х гг., не выдержала испытания при столкновении с новыми политическими и идеологическими реалиями. Душевный разлад, порожденный перестройкой, будет преследовать граждан многие годы спустя. В начале 1990-х гг. от 77 % до 92 % опрошенных в разных возрастных группах относили себя к категории «людей без будущего» [Беляева, 2004, с. 35].

Содержательная сторона кризиса советской идентичности, ставшего мотильщиком СССР, как видим, весьма разнообразна: вырождение связующей идеологии, безверие элит, ослабление социализации, утрата веры в историческую миссию государства, разочарование в идеалах, которые до этого не подвергались сомнению, падение доверия к существующей власти, несоответствие политики государства изменившимся условиям жизни граждан. Падение доверия к коммунистической системе привело к разрушению идеала, лежащего в основе государственности, подтолкнуло многих граждан независимо от социального статуса, национальной или конфессиональной принадлежности к поискам новых мировоззренческих ориентиров [Гаджиев, 2013]. В таких условиях сохранить СССР как идеологическую конструкцию, как государство, базирующееся на коммунистических ценностях, было уже невозможно.

Список литературы

- Беляева Л. А.* Социальный портрет возрастных когорт в постсоветской России / Л. А. Беляева // Социол. исслед. – 2004. – № 10. – С. 31–41.
- Бочаров В. В.* Интеллигенция и насилие: социально-антропологический аспект / В. В. Бочаров // Антропология насилия. – СПб. : Наука, 2001. – С. 39–87.
- Воеводина Т.* Чего «совкам» в «совке» не хватало? / Т. Воеводина // Лит. газ. – 2015. – № 33 (6521).
- Гаджиев К. С.* О кризисе национальной идентичности / К. С. Гаджиев // Мир и политика [Электронный ресурс]. – 7 февр. 2013 г. – URL: <http://mir-politika.ru/3499-0-krizise-nacionalnoy-identichnosti.html> (дата обращения: 08.10.2015)
- Кара-Мурза С. Г.* Советская цивилизация / С. Г. Кара-Мурза. – М. : Алгоритм, 2001. – Т. 2. – 688 с.
- Кара-Мурза С. Г.* Демонтаж народа / С. Г. Кара-Мурза. – М. : Алгоритм, 2007. – 704 с.
- Лавровский И. К.* Странострой / И. К. Лавровский // Главная тема. – 2005. – № 4. – С. 120–137.
- Мальцева В.* Неформальные движения молодежи времен перестройки // Информационно-исторический портал «Ваш год рождения 1922–91» [Электронный ресурс]. – 05.04.2012. – URL: <http://22-91.ru/statya/neformalnye-dvizhenija-molodezhi-vremen-perestrojki> (дата обращения 23.09.2015).
- Народное хозяйство РСФСР в 1990 г.* Статистический ежегодник. – М. : Госкомстат, 1991. – 592 с.
- Население мира: демографический справочник.* – М. : Мысль, 1989. – 477 с.
- Новиков А. Я.* – русофоб / А. Новиков // Век XX и мир [Электронный ресурс]. – 1991. – № 7. – URL: <http://old.russ.ru/antolog/vek/1991/07/novik.htm> (дата обращения 08.10.2015)
- Петров Н.* К унижениям в своем отечестве нам не привыкать / Н. Петров // Независ. газ. – 1993. – 13 июля.

Поляков Ю. Как я был врагом перестройки / Ю. Поляков // Лит. газ. – 2015. – № 39 (6527).

Савельева А. Бесплатное жилье в России – миф или реальность [Электронный ресурс] / А. Савельева. – 12 сент. 2013 г. – URL: <http://vlegale.ru/articles/besplatnoe-zhiluyev-rossii-mif-ili-realnost-3807> (дата обращения 08.09.2015).

Численность и состав населения СССР. По данным Всесоюзной переписи населения 1979 г. : стат. сб. – М. : Финансы и статистика, 1985. – 366 с.

The Crisis of the Soviet Identity as Factor of the USSR Collapse

V. A. Turaev

Institute of History, Archaeology and Ethnography Peoples of the Far East FEB RAS

Abstract. The article discusses the crisis of the Soviet civil identity, which led to the collapse of the USSR. The causes of the crisis that had matured long before the disappearance of the country, and issues that were generated by restructuring processes. Among the factors that contributed to the increase of the crisis phenomena in the sphere of civic identity, considers the socio-demographic changes in the country by the end of 1970s, socio-age conflict in the nomenclature environment, the error of the class policy of the Communist party, reflected the deep social changes in the society, ideological split of the society, the rejection of ideological values of the older generations by the youth, the loss of respect for political leaders, which could not fail to affect the attitude to the country. The process of destruction of Soviet identity in the years of perestroika shows how focused the company on the dismantling of the Soviet people and state was led. Policy of glasnost, which has become an important tool for the company, caused a loss of faith in the historical mission of the state, disappointment in ideals, which was not questioned, lack of confidence in the existing government and as a consequence – the collapse of the USSR.

Keywords: crisis of Soviet identity, socio-age conflict, ideological split of the society, the policy of glasnost, the dismantling of the Soviet system.

References

Belyaeva L. A. Sotsialnyi portret vozrastnykh kogort v postsovetskoï Rossii [Social portrait of the age cohorts in post-Soviet Russia]. *Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological Research]*. 2004, Vol. 10, pp. 31–41. (in Russ.)

Bocharov V. V. Intelligentsiya i nasilie: sotsialno-antropologicheskii aspekt [Intellectuals and violence: a social-anthropological aspect]. *Antropologiya nasiliya [Anthropology of Violence]*. St. Petersburg, Nauka Publ., 2001, pp. 39–87. (in Russ.)

Chislennost i sostav naseleniya SSSR. Po dannym Vsesoyuznoi perepisi naseleniya 1979 g. Statisticheskii sbornik [The size and composition of the population the USSR. According to the All-Union Census of 1979. Statistical Yearbook]. Moscow, Finance and Statistics Publ., 1985, 366 p. (in Russ.)

Gadzhiev K. S. O krizise natsionalnoi identichnosti [About the crisis of national identity]. *Mir i politika [Peace and Politics]*. 7 February 2013, <http://mir-politika.ru/3499-o-krizise-nacionalnoy-identichnosti.html> (in Russ.)

Kara-Murza S. G. *Sovetskaya tsivilizatsiya [Soviet civilization]*. Moscow, Algorithm Publ., 2001, Vol. 2, 688 p. (in Russ.)

Kara-Murza S. G. *Demontazh naroda [The dismantling of the people]*. Moscow, Algoritm Publ., 2007, 704 p. (in Russ.)

Lavrovskii I. K. Stranostroi [System of the country]. *Glavnaya tema [The Main Theme]*. 2005, Is. 4, pp. 120–137. (in Russ.)

Maltseva V. Neformalnye dvizheniya molodezhi vremen perestroiki [Informal youth movement during the Perestroika period]. *Informatsionno-istoricheskii portal «Vash god rozhdeniya 1922–91» [Information and historical portal “Your birth year 1922–91”]*. 05.04.2012, <http://22-91.ru/statya/neformalnye-dvizheniya-molodezhi-vremen-perestrojki>. (in Russ.)

Narodnoe khozyaistvo RSFSR v 1990 g. Statisticheskii ezhegodnik [The National Economy of the RSFSR in 1990. Statistical Yearbook]. Moscow, Goskomstat Publ., 1991, 592 p. (in Russ.)

Naselenie mira: demograficheskii spravochnik [The World's Population: the Demographic Reference Book]. Moscow, Mysl Publ., 1989, 477 p. (in Russ.)

Novikov A. Ya – rusofob [I am a Russophobe]. *Vek XX i mir [20th century and the World]*. 1991, Is. 7, <http://old.russ.ru/antolog/vek/1991/07/novik.htm>. (in Russ.)

Petpov N. K unizheniyam v svoem otechestve nam ne privykat [To humiliation in their own homeland we are used]. *Nezavisimaya gazeta [Independent Newspaper]*. 13 July 1993. (in Russ.)

Polyakov Yu. Kak ya byl vragom perestroiki [I was an enemy of Perestroika]. *Literaturnaya gazeta [Literary Newspaper]*. 2015, Is. 39 (6527). (in Russ.)

Savelieva A. *Besplatnoe zhile v Rossii – mif ili realnost [Free housing in Russia – myth or reality]*. 12 September 2013, <http://vlegale.ru/articles/besplatnoe-zhilyo-v-rossii-mif-ili-realnost-3807>. (in Russ.)

Voevodina T. Chego «sovkam» v «sovke» ne khvatalo? [What the Soviet Union citizen in the Soviet Union is not enough?]. *Literaturnaya gazeta [Literary Newspaper]*. 2015, Is. 33 (6521). (in Russ.)

Тураев Вадим Анатольевич

кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник

Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН 690001, Россия, г. Владивосток,

ул. Пушкинская, 89

e-mail: v_turaev@mail.ru

Turaev Vadim Anatolievich

Candidate of Sciences (History),

Leading Researcher

Institute of History, Archaeology and Ethnography Peoples of the Far East FEB RAS

89, Pushkinskaya st., Vladivostok, Russia, 690001

e-mail: v_turaev@mail.ru